

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т.Г. Логутенкова

ОТ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ К ФОРМУЛЬНОЙ ФРАЗЕ: О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В ДРЕВНЕИСЛАНДСКОЙ ПРОЗЕ

Формульность древнеисландской и в целом древнегерманской поэзии как специфическое свойство или характерный признак признается всеми исследователями. Споры возникают главным образом по поводу самой техники использования поэтических формул, а именно: вплетаются ли в текст уже готовые синтаксические конструкции, в таком случае главной ценностью поэтических формул для сказителя является их утилитарность (А. Лорд и его последователи), или поэтические формулы всякий раз порождаются заново в момент творения поэтического текста, т.е. их постоянное обновление и, соответственно, выполнение ими определенной эстетической функции и есть необходимое условие их существования. Так, исследуя функционирование парных формул в эддических песнях, Е.А. Гуревич приходит к выводу, что «направление развития парной формулы есть движение в сторону приобретения ею назначения в стихе “Эдды”, превращения ее в художественный прием», признавая тем самым, что формула имеет эстетическую ценность и является «канонически необходимым элементом поэтической системы определенного типа текстов»¹. Е.А. Гуревич настаивает на приобретении парными формулами в эддической поэзии композиционных функций и превращении их в художественный прием. Отметим, что последнее утверждение является весьма важным для рассмотрения той особенности древнеисландских прозаических текстов, которой посвящена настоящая работа.

По-видимому, следует согласиться, что только прагматическое применение формул в языке устной поэзии является неадекватным самой природе

поэтического текста. Стихотворная речь была первоначально единственно возможной формой словесного искусства. Ее использованием достигалось, по выражению Ю.М. Лотмана, «расподобление» языка, отделение словесного искусства от обыденной речи². Такое расподобление, или дифференцирующая функция, сопряженная с эмфатической, обуславливало особенное функционирование используемых в поэтическом языке структур и приемов. Различные структуры, в основе которых были обычные языковые модели (так, рассматриваемые формульные фразы представляли собой простые соединительные конструкции), приобретали художественный эффект в рамках определенного типа текстов.

В рамках теории Пэрри-Лорда поэтическая формула определяется как «группа слов, которая регулярно используется при одних и тех же метрических условиях для выражения данного содержания»³. Как отмечает А. Лорд, традиционные поэтические формулы отличаются следующими характеристиками: 1) повторяемостью (воспроизводимостью), что отнюдь не означает их абсолютной фиксированности и неизменности, на основе традиционных метрических моделей могут быть созданы новые формулы для введения нового содержания; 2) полезностью (*usefulness*) и необходимостью (*necessity*) для сказителя, который мыслит формулами (*thinks in terms of formulas*⁴ и формульными моделями. По мнению А. Лорда, формула присуща лишь тексту устной традиции и невозможна для поэта, владеющего письменностью⁵. Такой подход, с точки зрения Е.А. Гуревич, предполагает отождествление формульности и устности, когда книжный или устный характер текста устанавливается на основании чисто количественных данных о присутствии в нем большего или меньшего числа формул⁶. Это замечание также важно для наших последующих рассуждений.

В древнеисландских (и в целом древнегерманских) прозаических текстах также часто встречаются синтаксические построения, которые по ряду признаков аналогичны поэтическим формулам. Они характеризуются относительно жесткой структурой, отчетливыми границами, что позволяет выделить их в тексте, а также повторяемостью и воспроизводимостью, т.е. теми же формальными признаками, характеризующими поэтические формулы. Вместе с тем кажется нецелесообразным использование термина «формула» для обозначения таких синтаксических построений в прозе, так как существуют очевидные различия (которые нам предстоит далее раскрыть) между поэтическими формулами и формульными фразами, что диктует применение специального термина.

Наиболее распространены в прозе формульные фразы, представляющие собой соединенную союзом «и» пару однородных членов с близкими значе-

ниями. Фразы другой структуры сравнительно более редки. Часто первый и второй члены фразы связаны аллитерацией и/или рифмой, хотя это и не является обязательным условием. Что же касается их семантики, то отношения между компонентами парных формульных фраз могут быть классифицированы как тавтологические, дополнительные, или взаимодополняющие, и антонимические.

Например, ди. *fálátr ok fályndr* «скромный и сдержанный» (*Þorláks saga*, 3) — тавтологическая формульная фраза; ди. *vittr ok vinsæll* «мудрый и дружелюбный» — компоненты формульной фразы связаны отношениями дополнительности, причем эта дополнительность может определяться контекстом в довольно широких пределах, ср.: ди. *at hann var bæði senn úngr ok gamall, úngr at aldri en gamall at ráðum ok góðum síðum* (*Þorláks saga*, 4) — компоненты формульной фразы связаны семантическими отношениями дополнительности, но при этом формульная фраза скреплена аллитерацией.

Формульные фразы (под тем или иным названием) отмечаются многими исследователями древнегерманских прозаических текстов, однако не существует единого общепринятого взгляда на их генезис, предлагаются в общем две различные интерпретации.

Например, Н.Н. Изметинская полагает, что «употребление нескольких древнеанглийских слов для перевода одного латинского существительного обусловлено особенностями семантики самой древнеанглийской лексики, а именно — несовпадением смысловых объемов отвлеченной лексики латинской и древнеанглийской. Каждое из древнеанглийских слов передавало лишь часть компонентов значения латинского слова»⁷. Таким образом, речь идет о гендиадисе, т.е. конструкции с двумя однородными членами, выражающей одно сложное понятие и дающей возможность семантического разложения основного элемента высказывания, в результате чего его имплицитные семантические составляющие получают каждая отдельное выражение⁸. Данная трактовка, по-видимому, близка взглядам А.А. Потебни, считавшего, что определение «тавтологический» неприложимо в строгом смысле к древнему материалу, так как в этом случае имеет место «не повторение того же акта мысли и речи, а разложение восприятия на сходные по содержанию элементы, попытка объяснения явления»⁹. Ссылаясь на тезис А.А. Потебни, Н.В. Феоктистова склонна отказывать рассматриваемым синтаксическим сочетаниям в стилистической функции ввиду их древности и считает их особым способом номинации¹⁰.

Другая трактовка формульных фраз в древнегерманской прозе предполагает, напротив, выполнение формульными фразами некоторой стилисти-

ческой функции. Так, И. Коскенними в работе «Повторяющиеся парные словосочетания в древнеанглийской и раннесреднеанглийской прозе» [Турку, 1968] полагает, что синтаксические конструкции, которые мы называем формульными фразами, — это риторический прием, основная их функция эмфатическая¹¹.

Представляется, что обе трактовки не являются взаимоисключающими. Разумеется, использование двух слов имеет больше шансов точно передать смысл переводимого латинского слова, но даже два слова вряд ли полностью передают все компоненты значения. В то же время наличие формульных фраз в оригинальных, а не переводных текстах со всей очевидностью ставит вопрос об их ином использовании и, соответственно, иных функциях. Нет смысла оспаривать и специфический характер номинации, реализуемой посредством формульной фразы. Но также нет никаких оснований отказывать данным конструкциям в стилистической функции, так как эту функцию могут выполнять любые единицы речи в зависимости от условий контекста. Тем не менее, в обоих описанных выше подходах не учитывается нечто вполне очевидное, а именно — сходство поэтических парных формул и формульных фраз в прозе: сходные формальные признаки, сходные типы семантических отношений между членами формул и формульных фраз, воспроизводимость. Принимая эти рассуждения за исходные, сформулируем стоящие перед нами задачи. Наша цель — доказать, что формульные фразы в древнеисландской прозе есть феномен не только формально, но и типологически, а следовательно, генетически связанный с поэтическими парными формулами, т.е. в этом случае мы имеем дело с преемственностью стилистических приемов в рамках определенной литературной традиции и языкового узуса. Очевидно, что при таком подходе зависимость формульных фраз от иноязычной лексемы в переводе становится весьма прозрачной, что мы и должны продемонстрировать. Самым показательным родство формульных фраз и поэтических формул будет при использовании в прозе и поэзии одной и той же синтаксической конструкции. Вместе с тем очевидно, что между ними существуют и различия, которые мы должны продемонстрировать.

Прежде чем рассмотреть формульные фразы в переводах, следует заметить, что древнеисландская проза в целом более однородна по сравнению с прозаическими текстами на древних германских языках (древнеанглийском или древневерхненемецком) в том смысле, что она всегда оригинальна, даже если среди ее источников есть иноязычные тексты. Наличие прочной древнеисландской литературной традиции определяло включение иноязычного

текста в собственную традицию и культуру на условиях его преобразования (а не собственно перевода) в соответствии с требованиями этой традиции. Именно поэтому мало буквальных переводов с латинского языка на древнеисландский. Цитаты из Библии, которые должны были переводиться буквально (и переводились таким образом на все древние германские языки), оказываются одним из немногих контекстов соположения латинских лексем и древнеисландских формульных фраз.

Рассмотрим примеры таких цитат в Саге о епископе Торлаке:

др.-исл. *Sem Pall postuli segir í pistli sínum, þeim er hann sendi Tito: «Biskup hafir at se», — sagði hann, — «lastvarr ok laerðr val, dramblauss ok drykkjumaðr litill, orr ok oagjarn, skyrr ok skapgoðr, goðgjarn ok gestrisinn, rettlatr ok raðvandr, hreinlifr ok hagraðr, trygggr ok trufastr, mildr ok maldjarfr, astsamr víðr alþyðu en avitsamr víðr oraekna...»*

«Епископ должен быть», — сказал он, — «благодетельный и хорошо образованный, скромный и мало пьяница, вспыльчивый и неалчный, умный и благо нравный, миролюбивый и гостеприимный, справедливый и порядочный, нравственно чистый и мудрый, верный и верующий, милосердный и чистосердечный, дружелюбный со всеми людьми, но строгий с нерадивыми...»

Если мы сравним этот отрывок с оригиналом, то обнаружим явные расхождения. Можно предположить, что фактически в древнеисландской цитате объединены два фрагмента Послания апостола Павла к Титу:

лат. «*Oporet enim episcopum sine crimine esse sicut Dei dispensatorem non superbum non iracundum non vinolentum non percussorem non turpilucris cupidum sed hospitalem benignum sobrium iustum sanctum continentem amplectentem eum qui secundum doctrinam est fidelem sermonem ut potens sit exhortari in doctrina sana et eos qui contradicunt arguere*».

«Ибо епископ должен быть непорочен как Божий домостроитель, не дерзок, не гневливый, не пьяница, не убийца, не корыстолюбец, но страннлюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержен, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен, и настаивать в здравом учении и противящихся обличать» (Гл. 1. С. 7–9).

Лат. «*Senes ut sobrii sint pudici prudentes sani fide dilectione patientia*».

«Чтобы старцы были бдительны, степенны, целомудренны, здоровы в вере, в любви, в терпении» (Гл. 2. С. 2).

Выделенные в данном отрывке формульные фразы могут быть разделены на две группы.

В первой группе примеров можно усмотреть расщепление семантической структуры исходного латинского слова и ее передачу двумя древнеис-

ландскими эквивалентами, так называемый гендиадис, т.е. конструкцию с двумя однородными членами, выражающую одно сложное понятие и дающую возможность семантического разложения основного элемента высказывания, в результате чего его имплицитные семантические составляющие получают каждая отдельное выражение, ср.: др.-исл. «skytg ok skapgoðr» («умный и благонравный») — лат. «sobrium» («умеренный, рассудительный, благоразумный»), др.-исл. «rettlatr ok raðvandr» («справедливый и порядочный») — лат. «iustum» («справедливый, порядочный»), др.-исл. «hreinflifr ok haðgaðr» («нравственно чистый и мудрый») — лат. «sanctum» («священный, безупречный, чистый, целомудренный»). Однако вторая группа, в которую также входят три формульные фразы, не имеет никакой зависимости от латинского оригинала. По сравнению с латинским оригиналом добавлены выражения др.-исл. «lastvarg ok laerðr val» («благодетельный и хорошо образованный»), «mildr ok maldjarfr» («милосердный и чистосердечный»), а др.-исл. «tryggr ok trufastr» («верный и верующий») в качестве соответствия лат. «amplectentem eum qui secundum doctrinam est fidelem sermonem» («держатый, согласного с учением, истинного слова») не обнаруживает синтаксической связи с оригиналом.

В саге о епископе Торлаке много примеров формульных фраз, не связанных с библейскими цитатами, т.е. используемых не в связи с переводом латинского текста, например: др.-исл. «hann var úlíkr flestum mönnum: auðráðr ok auðveldr í öllu, hlýðinn ok hugþekkr hverjum manni, fálátr ok fályndr um allt, trúr ok tíðrækin, nýtr ok námgyrn þegar á unga aldri» (Þorláks saga, 3) («Он был непохож на большинство людей: гибкий и уступчивый во всем, располагающий и внушающий любовь каждому человеку, скромный и сдержанный во всем, верующий и часто посещающий службу, способный и жаждущий учиться с самого юного возраста»). Следует отметить, что использование формульных фраз в древнеисландских сагах при введении персонажей — весьма частотный прием, что, безусловно, является свидетельством их исконности в древнеисландском литературном узусе. Ср. др.-исл. «Songr hans het Einarr, hann var mikill ok vel mannaðr» (Hrafnkels Saga Freysgoda) («Сына его звали Эйнар, он был рослый и хорошо воспитан»); др.-исл. «Vjorn, songr Ketils, var fostraðr <...> með jarli þeim, er Kjallakr het, vitr maðr ok agaetr» (Eyrbyggja Saga) («Бьерн, сын Кетиля, был воспитан <...> их ярлом, которого звали Кьяллак, (он был) мудрый человек и известный»); др.-исл. «Þorsteinn het maðr <...> hann var auðigr at fe ok hofðingi mikill, vitr maðr ok hogvaerr ok hofsmaðr um alla hluti» (Gunnlaugs Saga Ormstungu) («Человека звали Торстейн <...> он был богатый и хавдинг великий, мудрый человек и

кроткий нравом и сдержанный во всем»); др.-исл. «*Boðvarr, sonr Egils, var þa frumvaxti; hann var enn efniligsti maðr, friðr synum, mikill ok sterkr, <...> Egil unni honum mikit; var Boðvarr ok elskr at honum*» (Egils Saga) («Ботварр, сын Эгиля, был тогда взрослый; он был самым многообещающим, красивой наружности, рослый (влиятельный, важный, великий) и сильный, <...> Эгиль любил его очень, и Ботварр любил его»)¹².

Вместе с тем очевидно, что некоторые из формульных фраз из саги о епископе Торлаке, даже если не имеют определенного латинского источника, подвергаются влиянию христианской традиции, в частности последние две, так как обозначают качества, едва ли ценные с точки зрения героического восприятия мира, ср. «...верующий и часто посещающий службу, способный и жаждущий учиться с самого юного возраста».

Ср. также примеры из древнеисландской Саги об Олаве: др.-исл. «*Þrandr var mikill maðr vexti. rauðr aa haar ok rauð skeggjaðr <...> slegr ok raðugr til allra vieel raða*» («Транд был рослым человеком, рыжеволос и рыжебород, хитрый и умный на всем многие советы»); «*Haraldr tok konung (dom eptir foð) ur sinn þa er hann var. X. vetra gamall. hann var allra manna mestr ok sterkaztr ok friðaztr synum. (vi)tr maðr ok (skog)ungr mikill*» («Харальд принял королевство после отца своего, когда ему было десять лет от роду, он был из всех людей самый величественный и самый сильный и самой красивой наружности, мудрый человек и проницательный очень»); др.-исл. «*hann var baeði vitr ok goðgiarn ok klerkr mikill*» (Olafs Saga) («Он был мудрый и миролюбивый (доброжелательный) и духовник великий»). В этих примерах отчетливо проявляется сходство характеристик персонажей с процитированными выше характеристиками в сагах о Хравнкеле и Гуннлауге, однако в силу сложного происхождения саги об Олаве очевидно и воздействие христианской нарративной традиции, о чем свидетельствует калька др.-исл. *goðgiarn* (ср. лат. *benivolens*, др.-англ. *welwillende*).

В отличие от поэтических формул, которые воспроизводятся при определенных метрических условиях, являясь структурной единицей поэтического текста, формульные фразы в прозаических памятниках письменности не связаны такими жесткими требованиями и могут, следовательно, более свободно варьировать. Ср., например, варьирование формульной фразы с элементом др.-исл. *vitr* «мудрый»: «*vitr ok goðgiarn*» («мудрый и доброжелательный»); «*vitr maðr ok hogvaerr ok hofsmað*» («мудрый человек и кроткий нравом и сдержанный»); «*vitr maðr ok agaetr*» («мудрый человек и кроткий нравом и сдержанный»). Тем не менее их использование также связано с созданием определенного ритма, с понятием ритмичес-

кая проза. Ср., например, приведенный выше отрывок из Саги о епископе Торлаке, представляющий собой перевод цитаты из Библии, именно ритм задает те отклонения от текста латинского оригинала, которые были нами отмечены.

Обратимся вновь к Ю.М. Лотману: «Художественный эффект “приема” — всегда отношение, например, отношение текста к ожиданию читателя, эстетическим нормам эпохи, привычным сюжетным и иным штампам, жанровым закономерностям»¹³. Появление языковых структур, привычных для устного поэтического текста, в прозе, формально более близкой обыденной речи, уже воспринимается как художественный прием. Причем это появление предопределяется практической ориентацией на отличие от стихии «обычного, обыденного» языка, на подчеркнутую условность повествовательных приемов. Таким образом, появление в прозаических текстах приемов, распространенных в устных поэтических текстах, оказывается вполне закономерным, используются модели, отличающие литературную речь от речи обыденной, естественно, что эти модели черпаются из предшествующей традиции. Вместе с тем было бы упрощением считать, что данные языковые модели выполняют абсолютно те же функции в новом для них типе текста. Их функциональная нагруженность определяется контекстным окружением. Однако художественный эффект, функция эстетического воздействия оказываются присущими им с самого начала, при их сопоставлении, пусть и мыслимом, а не формулируемом, с аналогичными языковыми моделями в поэтическом тексте. Но этот эффект может быть существенно усилен сознательным отношением автора к стилю своего произведения, к способу словесного выражения своих идей.

Исходя из нашего тезиса о том, что формульные фразы типологически и генетически связаны с поэтическими формулами, в древнеисландской прозе в силу устойчивого литературного узуса и глубокого типологического сходства древнеисландской прозы и поэзии (т.е. связь с устной традицией) использование формульных фраз должно быть более частым, нежели в древнеанглийской или древневерхненемецкой прозе.

Разумеется, подготовить точную статистику трудно и, пожалуй, невозможно по вполне объяснимым причинам, среди которых следует указать:

- различная сохранность памятников письменности в целом;
- тип языковой и историко-культурной ситуаций, благоприятствующих или препятствующих сохранению текстов устной традиции в виде их письменной фиксации (ср., например, практически отсутствие таких текстов на древневерхненемецком языке), и как следствие указанного обстоятель-

ства — различие сюжетов и коммуникативных сфер, которые отражены в текстах на разных древних германских языках.

Тем не менее некоторые статистические наблюдения могут быть представлены. В частности, регулярное использование формульных фраз при введении персонажей в сагах выделяет древнеисландский язык среди других древних германских языков.

В древнеанглийской проповеди Эльфрика «Творение», например, регулярно используется совсем иной прием введения персонажей — называние их по имени и затем растолкование или перетолкование имени, иногда верная, иногда народная этимология немотивированного или слабо мотивированного имени, которое, по убеждению автора, сообщает некоторые существенные особенности характера персонажу¹⁴. Следует заметить, что такой прием (точнее, намек на него) есть в первых строках саги о епископе Торлаке, где автор рассуждает о святости Торлака, быть названным в честь которого уже является залогом славной жизни. При этом автор саги цитирует главу 22 Притчей Соломоновых (др.-исл. «sem fyr sagdi Salomon hinn spaki. at betra uaere gott nafn en mikil audæfi» (Saga Þorlaks Biskups Hin Elzta, 89) и главу 7 Екклесиаста (др.-исл. «at betra er gott nafn. en dyrdlig smyrsl» (Saga Þorlaks Biskups Hin Elzta, 89). Однако в цитируемом тексте речь идет о необходимости сохранить свое имя незапятнанным, следуя всем заповедям и канонам, а в саге очевидно стремление утвердить образ Торлака в сознании окружающих, сделать понятными новые и, следовательно, чужие идеологические и нравственные ценности. Именно этой целью обуславливается предпочтение традиционного способа введения персонажей, в том числе формульных фраз как привычного нарративного приема даже в тех текстах, которые в наибольшей степени подверглись влиянию христианской латинской нарративной традиции.

¹ Гуревич Е.А. Парная формула в эддической поэзии (опыт анализа) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 78–79.

² Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 71.

³ Lord A. The Singer of Tales. Cambridge, 1960. P. 30.

⁴ Ibid. P. 130.

⁵ Ibid. P. 43.

⁶ Гуревич Е.А. Парная формула в эддической поэзии...

⁷ Изметинская Н.Н. Отражение отвлеченных латинских имен в древнеанглийских текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.

⁸ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1967.

⁹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. III. С. 300.

¹⁰ Феоктистова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени. Л., 1984.

¹¹ Koskeniemi I. Repetitive Word Pairs in Old and Early Middle English Prose. Turku, 1968.

¹² Ср. еще несколько вполне обычных примеров введения и характеристики персонажей из sag:

Ketils Saga Haengs:

Hallbjörn hét maðr. Hann var kallaðr hálftröll. Hann var sonr Úlfs ins óarga. Hann bjó í eyjunni Hrafnistu. Hún liggir fyrir Raumsdal. Hann var ríkr maðr ok mjök fyrir þeim bændunum norðr þangat. Hann var kvángaðr maðr ok átti þann son, er Ketill hét. Hann var mikill vexti ok karlmannligr maðr ok ekki vænn;

Þorsteins saga Víkingssonar:

1) Logi var stærri ok sterkari en nokkurr annarr í því landi.

2) Jarlar tveir váru með Háloga. Hét annarr Vífill, en annarr Véseti. Þeir váru báðir miklir menn ok sterkir.

3) Hún var allra kvenna fríðust ok bezt mennt. Hún helt skemmu mikla ok kvenna sveit.

4) Eymundr hét þjónustumaðr hennar. Hann var henni hollr ok trúr í öllum ráðum.

5) Tírus inn mikli var konungr yfir Indíalandi. Hann var ágætr höfðingi sakir allra hluta. Hann átti sér ágæta drottning ok eina dóttur barna, er Tróna hét. Hún var allra kvenna fríðust, ólík flestum konum fyrir sakir vizku; bar hún af öllum konungadætrum.

6) Hálfðan var stórr maðr ok sterkligr

7) Váru þeir efniligir menn ok íþróttamenn miklir.

8) Allra manna var hann fimastr á alla leika ok manna sterkastr.

Haraldrs Saga hinn Fagra:

Haraldr konungr tók konungdóm eptir föður sinn; þá var hann tíu vetra gamall. Hann var allra manna mestr ok sterkastr ok fríðastr sýnum, vitr maðr ok skörungr mikill.

Эти примеры могут быть продолжены.

¹³ Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа... С. 72.

¹⁴ Логутенкова Т.Г. «Что в имени тебе моем?» (о роли мотивированного имени в проповедях Эльфрика Саксонца) // 100 лет со дня рождения профессора Николая Сергеевича Чемоданова: Материалы юбилейных чтений, 22–23 декабря 2003 г. М., 2003. С. 40–43.